

Вѣстникъ Русской Конницы

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ГОДЪ 6 РУБ.

Иллюстрированный журналъ, издаваемый два раза
въ мѣсяцъ, съ разрѣшенія Генераль-Инспектора Кавалеріи,
при офицерской Кавалерійской школѣ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ
= ИЗДАНІЯ. =

Рекомендованъ для войсковыхъ библиотекъ Комитетомъ по образованію войскъ.
(Циркул. Гл. Шт. 1906 г. №№ 199 и 467 и 1908 г. № 18).

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи:
С.-Петербургъ, Чесменская ул., д. № 2 (по Шпалерн.), отъ 12—5 час. ежедневно.

№ 21.

Суббота, 15-го Ноября.

1908 г.

Его Императорское Высочество Августѣйшій Генераль-Адмираль
Великій Князь Алексѣй Александровичъ.

Въ Бозѣ почилъ въ Парижѣ 1-го сего Ноября на 59 году отъ рожденія.

Ночное дѣло забайкальскихъ казаковъ у ханшиннаго завода Шаого. 12-го мая 1904 г.

(Изъ воспоминаній участника).

Къ Шаого мы подходили вечеромъ, передъ закатомъ солнца, 12-го мая 1904 года. Позади насъ оставался безконечно длинный восьмидесятиверстный путь отъ Шитоугена и Дапу, гдѣ мы имѣли, 11-го мая, продолжительную перестрѣлку и потеряли ранеными 1 офицера и 8 казаковъ. Съ того времени, съ 11-го мая утра, ни мы, ни лошади ничего не ѣли, мы не пили даже чаю, безъ котораго ни одинъ забайкальскій казакъ не можетъ обходиться. Мы торопились къ Шаого, гдѣ, мы знали, найдемъ и фуражъ для лошадей, и продовольствіе для людей. Скорымъ шагомъ, безъ приваловъ, а въ двухъ мѣстахъ даже рысью, по горнымъ тропамъ, черезъ два перевала, подвигались мы, натуживая усталыя ноги, требуя послѣдняго отъ лошадей. Отрядъ, какъ всегда у генерала Ренненкампа, былъ смѣшанный:—было 5 сотенъ 1-го и 2-го Аргунскихъ полковъ и 5 сотенъ 2-го Нерчинскаго. Ни одного орудія, ни одного человѣка пѣхоты. Обозъ составляли около 50 вьючныхъ лошадей, да и тѣ шли налегкѣ. Продовольственные вьюки были пусты.

Въ Шаого предполагалась дневка, а потомъ вторичное движеніе на Куаньдёнсьянь. Этими повторными ударами то на Фынхуанченъ, то на Куаньдёнсьянь, генераль Ренненкампа думалъ ввести въ заблужденіе генерала Куроки относительно своихъ силъ.

Шаого съ его ханшиннымъ заводомъ рисовалось намъ раемъ. Мы уже были тамъ и знали, что тамъ есть громадныя скирды гаоляна и чумизы, что тамъ можно найти достаточно рогатаго скота, барановъ, свиней и куръ, что тамъ есть и мука. Мечты хорошенько поѣсть, поспать,—двѣ ночи передъ этимъ мы провели почти безъ сна, на грязномъ весеннею грязью пахатномъ полѣ, подъ проливнымъ дождемъ,—овладѣли всѣмъ существомъ и офицеровъ, и казаковъ. Люди на короткихъ привалахъ садились и засыпали крѣпчайшимъ сномъ. Бодръ былъ только генераль, на котораго никакія лишенія, никакіе труды не дѣйствовали.

Къ Шаого надо подниматься по крутому, заваленному камнями, высокому перевалу. Затѣмъ былъ небольшой спускъ, затѣмъ ровная площадка, окруженная крутыми, скалистыми горными хребтами, потомъ дорога втягивалась въ долину между двумя холмами. Здѣсь и былъ ханшинный заводъ. Отъ перевала до Шаого было около двухъ верстъ. Самъ заводъ состоялъ изъ большихъ кирпичныхъ фанзъ, окруженныхъ кирпичной стѣнкой. Противъ нихъ за высокимъ глинобитнымъ заборомъ стояли глинобитныя, крытыя гаоляновой соломой сараи и тутъ же были громадныя скирды соломы и чумизы.

Кругомъ были горы.

Нужно побывать въ Маньчжуріи, въ районѣ могучаго горнаго кряжа Фейшуллина, чтобы получить понятіе о той пересѣченности мѣстности, которая имѣетъ тамъ

мѣсто. Отъ главнаго кряжа, отрогами, контръ-форсами идутъ боковые. Переваливши черезъ основной хребетъ, вы не видите широкихъ долинъ, съ рѣками и пашнями, а по большей части или попадаете въ узкій корридоръ между хребтами, или встрѣчаете новые хребты поперекъ своего пути. Движеніе возможно только долинами рѣкъ.

Шаго въ этомъ отношеніи представлялъ изъ себя дно глубокой тарелки, окруженной могучими природными краями. Горы круты и трудно доступны.

Тогда, въ вечернемъ сумракѣ тихо гаснущаго дня, онѣ казались страшными и непривѣтливymi.

Какъ всегда, двѣ сотни были назначены на заставы.

Но, какъ это часто у насъ бываетъ, и отъ чего и на маневрахъ мы никогда не можемъ отрѣшиться,—заботы о продовольствіи и фуражѣ стали впереди заботъ боевыхъ, и сотни охраненія вмѣсто того, чтобы продвинуться дальше впередъ, освѣтить хребты, ползать по кустамъ, остановились и озабоченно стали добывать себѣ фуражъ и продовольствіе. Онѣ отличались отъ другихъ сотенъ только тѣмъ, что у нихъ лошади не были разсѣдланы.

Присылаемымъ изъ штаба людямъ, торопившимъ съ выступленіемъ на заставы, отвѣчали:—«ахъ, сейчасъ, вотъ еще минуточку, только лошадей напоимъ».

И бивуакъ кипѣлъ и волновался, никѣмъ не охраняемый.

Знакомая и по маневрамъ картина!.. Скажите по совѣсти, часто бываетъ на маневрахъ, чтобы охраненіе стало сейчасъ же, какъ только войска подойдутъ къ бивуаку? Почти никогда. Обыкновенно прямо ишшуть:—охраненіе выставить къ

Ихъ Императорскія Величества на праздникъ л.-гв. уланскаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка, въ Петергофѣ.

такому-то часу, къ 9-ти, къ 10-ти, къ 11-ти вечера, и какъ часто это бываетъ уже поздно!

Такъ и у Шаого. Никто не приказывалъ, никто не разрѣшалъ, но какъ-то само собой рѣшилось, что заставы стануть въ 10 часовъ вечера.

На бивакѣ ярко горѣли огни. Лошади мирно жевали пыльную чумизную солому. Офицеры сидѣли у костровъ. Штабъ располагался на отдыхъ въ главной фанзѣ завода. Часамъ къ десяти вечера костры стали догорать, а усталые люди и лошади ложиться и засыпать. Заставы собирались выходить.

Ночь была теплая, лунная. Небольшія облака часто набѣгали на луну и тогда становилось темно. Генералъ Ренненкампфъ засидѣлся съ офицерами одной изъ сотенъ у костра. Въ штабной фанзѣ всѣ спали, многіе раздѣвшись. Я сидѣлъ въ углу и читалъ газету, пользуясь жалкимъ китайскимъ ночникомъ.

Въ это время въ фанзу вошелъ корнетъ Рышковъ съ китайцемъ и сказалъ мнѣ:

— Вотъ этотъ китаецъ говоритъ, что тутъ въ горахъ триста японцевъ.

— Вотъ бы окружить ихъ.

— Да, только надо развѣдать, гдѣ они, чтобы не поднимать зря бивака. Можетъ быть, китаецъ и вретъ.

Мы отыскали сотника Зимина, который не дурно говорилъ по-китайски, и стали допрашивать китайца.

Потомъ Рышковъ пошелъ будить казаковъ, чтобы идти на развѣдку. Я вышелъ изъ фанзы и прислушался. Кругомъ было тихо. Костры догорали. Наши вѣстовые надъ огнемъ жарили курицу. Пройдясь кругомъ завода и спросивши, пошли ли люди на заставы, и получивъ утвердительный отвѣтъ, я успокоился и вернулся въ фанзу.

Усталость брала свое. Кругомъ всѣ спали. Я началъ раздѣваться. И вотъ въ эту самую минуту я услышалъ гдѣ-то недалеко, — мнѣ показалось — на самомъ бивакѣ — дикій пронзительный визгъ, совершенно бабій, не грозный, но противный и сейчасъ же затрещали частые выстрѣлы и пули градомъ стали сыпаться на крышу фанзы и сбивать съ нея черепицы.

Сонъ моментально отлетѣлъ прочь. Первую минуту я былъ увѣренъ, что японцы уже на бивакѣ и, цѣпляя на себя аммуницію, я раздумывалъ, чѣмъ лучше дѣйствовать, шашкой или револьверомъ.

Мои сосѣди по фанзѣ вскочили, какъ встрепанные.

— Что такое? — спросили меня.

— Японцы...

Помню, узкіе сапоги не лѣзли на ноги полковнику Р. и онъ умоляющимъ голосомъ просилъ у меня крючки. Я досталъ изъ выюка крючки, далъ ихъ ему и сейчасъ же выскочилъ на дворъ.

Вѣстовые торопливо сѣдлали и выючили. Костеръ горѣлъ посерединѣ двора.

— Погасите огонь, — крикнулъ я, — они стрѣляютъ на огонь.

Костеръ залили и сейчасъ же число пуль, попадавшихъ во дворъ, значительно уменьшилось. Выскочивъ на дорогу, я побѣжалъ на бивакъ, спрашивая казаковъ — «гдѣ генералъ?».

Часть казаковъ уже похватила винтовки и залегла у самого спуска въ долину, по окраинѣ фруктоваго сада, за каменной стѣнкой. Остальные сѣдлали лошадей. Никакихъ японцевъ на бивакѣ не было. Противный визгъ прекратился и только

слышалась частая стукотня выстрѣловъ, да свистали надъ головами пули, сбивая вѣтви съ деревьевъ, и иногда, но рѣдко падали между людьми. Бивакъ былъ въ ямѣ и пули пролетали надъ нимъ. Тучи скрыли луну и было темно. Было очевидно, что японцы не ближе 1000 шаговъ и что они не наступаютъ.

На бивакѣ уже былъ генераль Ренненкампфъ. Я не узналъ его. Онъ былъ бодръ, веселъ, почти счастливъ. Громкимъ, увѣреннымъ, могуче звенѣвшимъ голосомъ онъ отдавалъ приказанія.

— Надо ободрить людей и поуготать японцевъ,—сказалъ онъ и могучимъ голосомъ крикнулъ,—«здорово, нерчинцы!».

Сѣдлавшіе люди весело отвѣтили—«здравія желаемъ ваше превосходительство».

— «Здорово Аргунцы!»—и опять дружный мощный отвѣтъ разсѣялъ тишину ночи.

— А ну, поугаеми ихъ, пусть думаютъ, что насъ много.

— Еще разъ здорово, Нерчинцы!.. Еще разъ здорово, Аргунцы.

Этими здорованьями, этимъ громкимъ увѣреннымъ голосомъ генераль Ренненкампфъ какъ бы разсѣивалъ тревогу и сумракъ ночи.

Къ нему подошли за приказаніями командиры полковъ.

— Нерчинцамъ сѣдлатъ всѣмъ, Аргунцамъ по очереди.

— 3-ью сотню 2-го Аргунскаго полка направили на нашъ правый флангъ, для охраны отъ обхода, 2-ая и 4-ая сотни залегли на лѣвомъ флангѣ и на фронтѣ.

Все это длилось минутой двѣ, три. Теперь, когда всѣ убѣдились въ полной безвредности частаго огня японцевъ и въ томъ, что они не рискуютъ атаковать въ штыки, мы успокоились. Пули по прежнему почти непрерывно свистали въ воздухъ, но онѣ ломали вѣтви, попадали въ крыши, словомъ давали полный перелетъ. Наши, не видя цѣли, почти не отвѣчали. 5-ая сотня 2-го Аргунскаго полка князя Магалова начала продвигаться впередъ, чтобы занять лошину и попытаться дойти до японцевъ.

Въ это время сзади насъ показалась чья-то стройная фигура въ черкескѣ.

— Кто тамъ?—спросилъ генераль.

— Это я...—отвѣчалъ офицеръ.

Генераль страшно разсердился. Какъ оказалось, онъ нетерпѣливо ожидалъ донесеній съ праваго фланга, и «это я», ничего ему неговорявшее, его взорвало.

— Кто я?—сердито крикнулъ онъ.

— Это князь Оболенскій, отъ графа Комаровскаго.

— Ну, что тамъ?

Но князь не отвѣчаетъ. Онъ отлично понимаетъ, что такія вещи не говорятъ громко въ бою. Онъ подходитъ почти вплотную къ генералу и тихимъ голосомъ говоритъ: «внизу по долину видно движеніе темной массы не меньше роты. Они направляются по балкѣ въ обходъ нашего праваго фланга».

— Дѣло плохо,—говоритъ генераль,—придется отходить. Вотъ что, ступайте къ сотнѣ и прикажите, если сбходъ подтвердится, сѣдлатъ три залпа, черезъ равные промежутки.

Теперь генераль сталъ озабоченъ. Дѣйствительно, изъ Шаого не было другого пути отступленія, кромѣ той заваленной камнями тропинки, по которой мы пришли. Устроить тамъ оборону ничего не стоило. Оттуда и днемъ и даже ночью можно было обстрѣливать всю долину до самаго завода. Одна рота могла уничтожить

весь нашъ отрядъ. Да, если бы ихъ была одна рота? Мы уже знали, по тѣмъ дѣламъ, которыя имѣли за это время съ японцами, что теперь уже идутъ бѣглымъ шагомъ изъ Куаньдёнсяна батальоны. До Куаньдёнсяна всего 18 верстъ, къ утру они займутъ всѣ хребты и наше положеніе станетъ неважнымъ.

И съ тревогой прислушиваемся мы къ ночной тишинѣ. И вотъ — разъ, два, три—три полныхъ несорванныхъ залпа прогудѣли и эхомъ перекатились въ горахъ.

Генераль Ренненкампфъ вышелъ на дорогу. Онъ призвалъ къ себѣ князя Меликова и приказалъ ему идти рысью на переваль, взявъ съ собою трубачей. «Пусть трубачи играютъ гимнъ на перевалѣ» — сказалъ Ренненкампфъ, — японцы подумаютъ, что тамъ нашъ главный бивуакъ и не пойдутъ туда. За Меликовымъ пошелъ Нерчинскій полкъ, за нимъ Аргунцы, за Аргунцами обозы, за обозами генераль Ренненкампфъ.

Первый выстрѣлъ японцевъ раздался въ 10 часовъ 40 мин. вечера, теперь было 11 ч. 30 мин. Наши потери—одинъ контуженный офицеръ, два легко раненыхъ казака и двѣ раненыя лошади. Ночная стрѣльба, не подкрѣпленная атакой—цѣны не имѣетъ.

Выѣхавъ съ завода, генераль Ренненкампфъ обогналъ по гаоляновому полю колонну и остановился у отдѣльнаго хутора, чтобы пропустить ее мимо себя.

Переваль недалеко. И вотъ, когда колонна начала проходить мимо насъ, оттуда съ перевала раздалась плавная, ровная аккорды русскаго народнаго гимна. Казаки сняли шапки и пѣли гимнъ, вторя хору. Японцы рѣдкимъ огнемъ обстрѣливали колонну, направляя пули на хуторъ. Пришлось пережить нѣсколько неприятныхъ минутъ. Стрѣльба замѣтно участилась, когда потянулся нашъ обозъ, бывший на бѣлыхъ лошадяхъ. Но всѣ пули ложились выше и ломали только верхнія вѣтки двухъ раскидистыхъ тамарисковъ, подъ которыми мы стояли. За обозомъ прошли сотни заставъ, такъ и не достигшія своего мѣста. За ними поѣхалъ генераль Ренненкампфъ.

Начался страшно утомительный спускъ между каменныхъ глыбъ...

Въ три часа ночи мы остановились у разоренной деревушки, на полпути отъ Ай-ян-ямыня.

Никто не ложился спать, никто не разсѣдывалъ. Въ полудремотѣ, дрожа отъ ночной прохлады, мы пробыли до разсвѣта. Около пяти часовъ утра, въ утреннемъ туманѣ, мы тронулись и часовъ въ десять утра пришли въ Айян-ямынь. Теперь всѣ спали, часовыхъ смѣняли черезъ часъ. Страшное утомленіе брало свое.

А черезъ день японцы подошли къ Айян-ямыню, и мы, усталые и голодные, разыграли, 15-го мая, днемъ красивое дѣло подъ Айян-ямынемъ, гдѣ впервые узнали, что такое японская шрапнель.

Разсматривая этотъ бой сквозь призму прошедшихъ годовъ, мы видимъ, что нападеніе японцевъ на насъ было безрезультатнымъ, главнымъ образомъ, потому, что они ограничились одною перестрѣлкой, забывая, что ночной бой рѣшается исключительно холоднымъ оружіемъ.

Имѣй японцы терпѣніе, дожидись они предразсвѣтнаго времени, когда чело-вѣкъ засыпаетъ крѣпкимъ сномъ, и ихъ визгливое «банзай» произвело бы совсѣмъ иное впечатлѣніе. Тогда и рукопашный бой былъ бы грознѣе. Но ихъ, вѣроятно, испугало движеніе нашихъ сотенъ на заставы и они закричали на огонь, находясь далеко отъ цѣли атаки.

Мы не знаемъ, имѣли ли японцы потери, или нѣтъ. Думаю, что не имѣли. Мы ушли изъ Шаого, но ушли, не теряя присутствія духа, и этимъ мы исключительно обязаны хладнокровію, спокойствію и находчивости своего начальника.

Мнѣ вспомнился этотъ случай минувшей войны и я рассказалъ его теперь потому, что въ послѣднее время все болѣе и болѣе раздаются голоса о невозможности атакъ съ холоднымъ оружіемъ и вѣра въ машину—будь то ружье, пулеметь, или пушка, становится сильнѣе и сильнѣе. Въ ночныхъ бояхъ, — а ихъ было не мало въ минувшую войну, — напомнимъ наиболѣе характерные — дѣло полковника Лечицкаго (нынѣ генераль-лейтенанта, командира 18-го армейскаго корпуса) въ Хайченскихъ бояхъ, гибель батарей полковника Смоленскаго въ бою при Шахе 1-го октября 1904 года, атака Шахейскаго желѣзнодорожнаго моста 13 февраля 1905 года, въ самомъ началѣ Мукденскихъ боевъ, атака японской кавалеріей моста у станціи Фандзятунь 26-го января 1905 года и др. Внимательное изученіе ихъ показываетъ,* что въ ночномъ бою побѣждаетъ тотъ, кто атакуетъ съ холоднымъ оружіемъ въ рукахъ, кто беретъ инициативу боя на себя—полковникъ Лечицкій, японцы въ дѣлѣ на Шахе, наши охотники на Шахейскомъ мосту, японцы у Фандзятунь... Огонь ничего не рѣшаетъ, подготавливаетъ только морально, а иногда просто вредить. Допустимъ, что въ только что описанномъ мною дѣлѣ, у ханшиннаго завода Шаого, непосредственно вслѣдъ за дикимъ и протяжнымъ визгомъ японцевъ, переполошившимъ нашъ бивуакъ, на него нахлынула бы японская часть и поднялась бы страшная рѣзня. Совершенно иной былъ бы результатъ ночного нападенія.

И теперь, какъ и встарь, возможны отчаянныя дѣла кавалеріи ночью и на разсвѣтѣ. Особенно на разсвѣтѣ. Подойти ночью, выждать проблесковъ утра и на разсвѣтѣ атаковать заставу, бивуакъ, позицію. Никами колотъ сквозь полотно палатокъ спящія туши врага, сразу внести въ лагерь весь ужасъ внезапности, панику просонокъ, непрояснившихся мозговъ!!!

Кавалерія должна рисовать себѣ такія картины, должна и въ мирное время удѣлять *хотя бы одну ночь* въ недѣлю на походныя движенія и маневрированія по мѣстности, заканчивая таковыя атаки черезъ поля, канавы и изгороди при первыхъ проблескахъ свѣта, когда вблизи уже хорошо видно, а въ ста шагахъ виситъ еще мутная дымка тумана. Этотъ часъ — лучший другъ кавалериста, начальника летучаго отряда, руководителя лихого рейда.

Найдите одну ночь, одну только ночь въ недѣлю!..

И. Красновъ.